

***

Юродивый, дурак, потомок пилигрима
на улицах Москвы творит под Новый год
молитву на уход из Иерусалима.

Молитву на уход.

Молитву на уход.

Молитву на уход от храма и допроса,
от судей и суда.

Раздавленный тоской,

как будто от зевак на Виа Долороса,

уходит от толпы по каменной Тверской.

Осанна храбрецу, бежавшему от крови,

от выстрела в упор,

от падающих стен,

чужого очага

и от дырявой кровли,

где царствует в ночи религия измен.

Пока в больной душе еще мерцает вера,

и белый снегопад захватывает в плен —

осанна храбрецу, от камня Агасфера

бежавшему назад в блаженный Вифлеем,

где сеном дышит хлеб,
и путь ещё не ясен,
ещё пасут волхвы покорные стада,
и жертвенным быком у изголовья ясель
под самым потолком беснуется звезда.

***

Хочу к Иисусу Христу,
туда, где луна — коромыслом,
где чёрных ночей пустоту
ещё не заполнили смыслом.

Где воеет, как раненый зверь,
песок, перемешанный с ветром.
И слово, скользнувшее в дверь,
ещё не назвали заветом.

Туда, где у самой воды
пока не устроены церкви,
и цели ещё не видны
и даже не выбраны цели.

Где спит на заре Назарет,
как в обмороке глубоком,
где юный ещё назорей,
пока не назначенный богом,

в застолье к исходу поста,
хвалу принимая и ругань,
целует Иуду в уста
как самого близкого друга.

***

Умоляли пригорки, озёра и лес,
задыхаясь под выцветшим сводом небес:
если есть еще кто-нибудь на небеси—
воскреси!

Воскреси хоть заблудшую душу одну,
воскреси опустевшую эту страну,
эту прорву земли,
это скопище вод
воскреси!
Воскреси хоть на время!

И вот

воскресаем всем кладбищем —
Боже, прости! —
на какой-то фальшивой скрежещущей ноте
воскресаем червонной монетой в горсти
и кусками лоснящейся плоти.

Воскресаем, вздымая на крашенный крест
золотые пригорки, озёра и лес.
И воскликнул Господь наш на небеси:
воскреси!

***

Маше Ватутиной

Бог в России живёт не в хоромах
и не в храмах, где льётся елей.
Бог живёт на насупленных кронах
облетающих тополей.

Бог живёт на дубах и осинах
и плетёт за узором узор
на иконах пронзительно синих
чудотворных озёр.

Дышат тайной древесные руны
на свистящем пространстве пустом,
где Даждьбог породнился с Перуном,
а Перун породнился с Христом.

Пахнет кровью таёжная месса.
Рвётся в небо январская стынь.
И молитва почти неуместна,
как и выбор святынь.

На развилке меж адом и раем,
где блуждают лишь ветры одни,
ты поймёшь, что не мы выбираем.
И не нас выбирают они.

***

Елене Черниковой

Осенний обморок. Лысеющий ноябрь.
Осколки листьев — августа осколки.
Жизнь погружается, как Китеж в Светлояр,
на дно заиндевшего посёлка.

Осенний обморок. Изнемогает дол.
И так пугает дальний грай вороний,
что так и хочется запрятаться в подол
добропорядочной Февроньи.

Осенний обморок. И медленно на нет
сошла луна сверкающей подковой.
И тихо так. И пробуется снег
на роль врача в больнице поселковой.

Как хорошо, что мы теперь вдвоём,
и снег приносит истины простые,
о том, что мы ещё переживём
и тишину, и зиму, и Батыея.